

КНИГА СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

18+

МАРИНА РЫБКИНА, ДЕНИС ПИКЛЯЕВ

ГОНЧИЕ ПСЫ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ ЛИТКУЛЬТА

Марина Рыбкина

Гончие псы

«Издательские решения»

Рыбкина М.

Гончие псы / М. Рыбкина — «Издательские решения»,

В этой книге — 110 стихотворений двух авторов, разложенные на четыре голоса. Но все персонажи, все лирические герои говорят об одном чувстве. Догадались, о каком? Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Вместо предисловия	6
ГОНЧИЕ ПСЫ	7
Действие 1: ВЕСЕННЕЕ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Гончие псы

Марина Рыбкина
Денис Пикляев

Дизайнер обложки Яна Малыкина

© Марина Рыбкина, 2026

© Денис Пикляев, 2026

© Яна Малыкина, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-7921-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Дорогие читатели!

Когда мы затеяли выпустить книгу, то сразу встали перед нелёгким выбором — какие тексты включить? Да и сам сборник стихов — насколько он будет вам интересен?

Сколько копий сломали, сколько чашек кофе выпили (и выплеснули друг другу в лицо), сколько раз цапались и мирились — и не сосчитать. По итогу вообще решили этот самый сборник не издавать... а превратить его в пьесу в стихах. Рассказать вам историю, в целом, правдивую. Тем более, что и писали эту историю не мы, или не совсем мы. А, как бы это банально ни звучало, сама жизнь, подкидывая нам идеи и пиная в ленивые бока, мол, откладывайте в памяти, сохраняйте переживания в стихах, как опадающие листья в гербарии. Чем мы и занимались много-много лет.

И потому пусть вас не удивляет дата начала создания пьесы — 1981 год. Всё так, это не опечатка. Именно тогда и были сложены некоторые стихотворения.

Дописана пьеса через сорок с лишним лет, аккуратно перед сдачей материала в печать. Скажем больше — последнее стихотворение в пьесе — последнее, что мы написали — и сразу, свежим румяным пирожком — попало на ваш читательский зубок. Надеемся, придётся вам по вкусу.

P.S. На всякий случай, для удобства тех читателей, кто предпочитает стихотворные сборники, мы решили в «Оглавлении» указать стихотворения по порядку.

P.P.S. Авторы выражают бесконечную признательность литературному порталу Лит-Культ за создание замечательной творческой атмосферы, без которой данная пьеса могла бы и не сложиться.

Также мы хотим сказать большое спасибо Яне и Эдуарду Малькиным за неистощимое терпение (а терпеть нас, двух норовистых авторов, уж поверьте, ещё та работёнка!) и помощь в публикации пьесы.

И, безусловно и отдельно: с нежностью и благодарностью к Евгению Петровичу Пучкову (1959—1987), давшему импульс женской половине нашего поэтического тандема к писанию стихов и питавшему её творчество все эти годы.

Ну теперь, кажется, всё.

Слышите, уже дали третий звонок?

Поспешим занять места.

Марина Рыбкина и Денис Пикляев.

ГОНЧИЕ ПСЫ

Пьеса В Пяти Действиях

Действующие лица и исполнители:

Девушка.....**Марина Рыбкина**
Мара.....**Марина Рыбкина**
Поручик..... **Марина Рыбкина, Денис Пикляев**
Полковник.....**Денис Пикляев**
Рассказчик.....**Денис Пикляев**

ДЕВУШКА — Юная девушка с доверчивыми чистыми глазами и непослушной шапкой иссиня-чёрных волос;

МАРА — Взрослая женщина с грустным осенним взглядом, волосы подёрнуты седой; Девушка и Мара чем-то неумовимо похожи, как будто мать и дочь... или Мара — это повзрослевшая Девушка;

ПОРУЧИК — Юноша с яркими голубыми, легко меняющими цвет на стальной, глазами и саркастичной полуулыбкой;

ПОЛКОВНИК — Статный худощавый мужчина, скуп в движениях и артикуляции, немногословный, улыбается также скуп; в свою очередь, Поручик и Полковник похожи, будто Полковник — на 30 лет повзрослевший Поручик;

РАССКАЗЧИК (он же — Пятый) — неизвестный, говорит глубоким баритоном с хрипотцой.

Действие 1: ВЕСЕННЕЕ

Сцена: Во всю Арьерсцену — огромное окно, оно затворено. За ним — рассвет, гаснут огни фонарей, серая слякоть уходящей зимы — ранняя весна на дворе.

Вдали слева виден проём двери.

Сцена как бы разделена на 2 равных части:

— справа: аскетичная обстановка кухни времён СССР 80-х гг., кухонный круглый обшарпанный стол, заставленный нехитрой снедью, за ним сидят Мара и Полковник;

— слева — современная кухня, пустующий, богато накрытый стол.

МАРА (*обращаясь к Полковнику*)

В узких кухнях родительских тесных квартир,
неказистых, но не ипотечных,
где стеной примыкал совмещённый сортир,
как мы спорили, друг мой, о вечном!

Не о съезда наказах, понятно, не об
диалектике материализма,
не о сверхпроводимости звука хрущёб,
обнажающей жизнь организма.

А о том, что какая ни есть се ля ви
в нашей самой могучей на свете,
но она, согласись, не сильнее любви,
а иначе откуда же дети!

И любовь, и словцо забугорное «секс» —
зря их бог не занёс на скрижали —
возвращали надежду и веру, что есть
и такое, над чем мы не ржали.

Что не хлебом единым, не только вином,
и не только программами съездов.
Что когда-нибудь там, в лучезарном «потом»,
все в ливайсы и вранглеры влезут.

Вот тогда-то, насытившись властью бытиём,
мы увидим в лицо и с испода
не в замочную скважину — в стенки пролом —
это сладкое слово «свобода»!

А пока, накурившись до звона в ушах,
насмеявшись до хрипу и ору,
вдруг трезвели и на собеседника: «ша!»
и в розетку привет ташмайору.

И сидели, полночи частоты ища,
и ругали гэбню за глушилки.
И срезали с балконной верёвки леща
к распечатанной новой бутылке.

Разжимая эпохи стальные тиски
всемогушим посредством портвейна,
в пустоту вырывались из лютой тоски
мы задолго до Курга Кобейна.

МАРА (*встаёт из-за стола, обращаясь в зрительный зал, идёт по сцене к центру*)

Мужчинам в марте не было б цены,
когда бы не печальная повинность
по злему наущенью сатаны
дарить цветы и превращать в рутинность
желания, мечтания и сны.

Несчастные рабы календаря,
в масс-маркет тяжким жребием влекомы,
они, букеты массово даря,
как будто вышед из февральской комы,
о выпивке мечтают втихаря.

Когда б не принудительные даты,
я тоже предпочла бы алкоголь.
Стократ прекрасней вы, когда поддаты,
когда не жмёт супружеская роль,
свободны, веселы́, слегка рогаты.

Но не кручиньтесь, скоротечен март.
(Не всё барыш подсчитывать голландцам,
— злорадненько кидаю я апарт, —
теперь батав пусть нюхает тюльпан сам).
К мужчинам возвращается азарт.

Апрелем благодатным — он без дат —
сквозь смог парфюма робко так потянет.

Немногим дольше месяца — и факт,
предчувствие бывалых не обманет —
сорвёт вам башни. И да будет так!

МАРА (*задумчиво, возвращаясь за стол к Полковнику*)

Мимозу покупаю я сама:
не жалкой веткой — целую охапкой.
И вмиг капитулирует зима.
Хотя... у нас её и так нехватка.

Зима заснувшей радости моей,
февраль разбитой тонкостенной чаши.

Чреда заклятых злющих февралей
крылом за/пе/пылившимся мне машет.

Я не хочу ни пепла, ни огня,
ни прочих в хлам дерущих глотку специй.
Мимозы аскорбинковой манят
драже её весёлые согреться.

Лицом зареюсь в дивный аромат,
пусть нос пыльюю солнечной припудрит —
и февраль злосчастные сгорят
в салюте восьмимартовских орудий.

С мимозы начинается весна,
и мускулистый март у нас на вёслах.
Я с ним переплыву остатки сна,
стряхну — и стану жить в забытых вёснах.

Скрипит входная дверь — на пороге появляется Девушка. Снимает пальто, пристраивает его на вешалку и идёт по направлению к пустующему столу современной кухни.

ДЕВУШКА

Ей говорили: быть тебе счастливой,
ты, девочка, похожа на отца.
Но зеркальцем в руке нетерпеливой
она тайком водила у лица.

Ловила, словно зайчиков, похожесть

на материн сияющий овал.
Как жаль, что не мичуринская всхожесть
у тех, чем это поле засевал.

Она смириться не хотела: счастье
она ценила меньше красоты.
Меж тем её за тонкое запястье
уже хватала участь сироты.

Наколдовала — или намолила,
но в ней открылось женское вполне:
и глаз глубоких адовая сила,
и искорки в волос её волне.

И вдруг из мира — этой бальной залы,
в шелках и лентах, полной мишуры —
чудовища на свет повыползали,
как черви из подгнившей кожуры.

И началось: составы и вокзалы,
и боль, и стыд, и ужас, и побег.
Погони волчьей щерятся оскалы,
а красота — совсем не оберег.

Тяжёлое проклятье красоты —
к ней каждый тянет руки, без разбора,
и с нею раньше всех познаешь ты
свинцовые объятия позора.

Вновь скрипит входная дверь — на пороге появляется Поручик. Также идёт по направлению к столу, за которым уже сидит Девушка.

ПОРУЧИК (*хитро улыбаясь*)

Мы знали: истина в вине —
не в рислинге и каберне,
а в той вине, что мы с рожденья
несли, как шрамик БЦЖ.
Как этот мир от сотворенья
приговорённым был уже.

Мы знали: что, неровен час,
любовь найдётся и на нас,

мучительница и управа.
И каплет, каплет с языка,
кипит смертельная отравка,
неподстатейная УКа.

Первостатейные шуты
и пересмешники, на «ты»
с любой (опущенной до прозы —
увы) сакральной высотой.
Меняли способы и позы,
просились к чёрту на постой.

Ни в чём не знали линий красных,
доспехи скидывали наспех,
не озабочены ничем мы.
Но время предъявило счёт —
и оказалось, что никчемны,
побрал бы чёрт, да не берёт.

(обращаясь в зал)

Я знаю, что сбиваюсь с ритма.
Мы все с него сбивались, видимо,
с ударной долей зачастив.
Пусть спустит раньше на два слога
свои пары локомотив,
ведь не железная дорога.

Теперь не знаем ничего.
Уходим все за одного —
Того, кто больше ухайдокан,
того, кто больше всех устал.

Я знаю только, что из окон
короче путь на пьедестал.

Поручик садится за стол. Свет на сцене приглушается.

Раздаётся голос рассказчика

...они собираются вместе в этой маленькой квартирке по адресу...

(Закашливается, не разберёшь, что говорит)

... в городе, впрочем, в каждом городе, подозреваю, есть такая... странная квартирка... иной раз кажется, что наши герои совсем не слышат друг друга, но доподлинно известно, что они каждый год...

(опять кашляет, не разберёшь)

... числа...

... отправляются через время и пространство... туда, где когда-то пересеклись их пути... и где их должен встретить Пятый. Который и собрал их когда-то... но он ещё ни разу не приходил... но может быть в этот раз у них всё получится?..

ДЕВУШКА *(берёт в руку пишущее перо)*

Давно я писем не писала...
Возьму шекспировский сонет,
из русской лени одеяла
я смастерю ему конверт.

Уже цветочные метели
у нас на Юге полетели,
и почтальону путь занёс
опавшим цветом абрикос.

Фату сронила алыча —
он тут же, против всяких правил,
письмо не то тебе доставил,
цветенья на шузах влача.

Но ты конверт не открывай —
тебе за мартом вышлю май.

ПОРУЧИК *(ехидничая, обращается к девушке)*

— А что в письме твоём, родная?
Стишки? Как прежде, про любовь?

ДЕВУШКА *(Поручику)*

— Весна от края и до края.
Ты даже ей не прекословь.

Не станет слушать отговорки,
мол, дел по горло, на задворки
отправил всякий сантимент,

что у тебя абонемент,

но некогда дойти до зала.
Плевать весне на твой цейтнот.
Она лишь чувствами живёт,
она и не таких пронзала.

Письмо посеял почтальон,
но наизусть всё помнит он.

ПОРУЧИК (*Девушке*)

— А где апрель? Ты утаила
апрель прекрасный для кого?
Смотри, вздымает ревность сила
негодования моего.
Я огорчён и озабочен
и не уйду хотя б без строчки
об этом баловне весны.
Пиши — или забудь про сны!

ДЕВУШКА (*задумчиво*)

«Севиля ранит, Кордова хоронит» —
мне строчка в память врезалась из Лорки.
Темно саэты этой покрывало.
Не пронизала смысла странных слов,
но всё ж умишко детский прорывало:
здесь про любовь.

«Свиваются», и «стонет», и «сметает» —
мне говорили страстные детали,
здесь страшное сейчас произойдёт.
Силки уже расставил птицелов.
Я будто прозревала наперёд:
здесь про любовь.

Хоронит Кордова. Да кто она такая?!
Лишь карт географических листая
отцовский атлас, я узнала, кто:
не девушка, не ведьма, не Косая,
а древний город мавров на плато.
Здесь про любовь.

А Кордова хоронит и хоронит.
Смозолились ладони у Харона
орудовать изношенным веслом.
Меня не зря пугала тайна слов:
подросшую, проверят на излом
(Здесь про любовь).

(после паузы)

Но я не знала: главное — Севилья.
Она к развязке — шагом семимильным.
Здесь встретит Смерть пылающая Кáрмен.
Врастёт в меня и запыляет вновь.
Чужую отрабатываю карму:
здесь про любовь.

ПОРУЧИК *(обращаясь в зал, рисуясь, говорит о себе во втором лице, бросая время от времени хитрый взгляд соблазнителя на Девушку)*

Он счастливчик: есть куда повести её после пирушки,
не нужно ломать голову и клянчить ключи,
или, будучи у общежитского коменданта на мушке,
красться в подсвеченной коридорной лампой ночи.

Отдельная комната, понимающие соседи: сами такие.
Тонкую стенку сделает глуше катушечный магнитофон.
Ангелы сна, не высавшиеся и нагие,
ищут соскользнувший со спинки кровати лифон.

Позднее утро, подлец, зубоскалит в окна,
начальник устроит опоздавшему нагоняй:
— Кого ты, летёха, опять там к себе приволок, на?!
Ещё раз поймает дежурный на этом, на, — сам и пеняй.

Ещё и не раз, последним вставшего в строй на разводе.
На стрижке уставной — полдневных лучей бриолин.
Товарищ полковник забыл, на, как челюсти сводит
Желанье раздеть до хвоста и разделать русалок, ундин.

Порыв ветра распахивает окно. За окном наступила весна — зелено, весело защибетали птицы.

МАРА *(задумчиво, будто очнувшись ото сна)*

Не знаю, я чем заслужила
полсотни прекрасных недель,
в которых, как в вальсе, кружила
под вешнего цвета метель

с тобою, с тобою, с тобою,
восставшим от вечного сна.
Такой голубою волною
качается с нами весна!

Таким белопенным прибором
в цветении южных дерев
она выпевалась гобоем,
отверзнувшем вечности зев.

Под звуки небесных мелодий,
раскинув фатою зарю,
меня ты при птичьем народе
как паву, провёл к алтарю.

И их щебетанье и трели
осанной звучали окрест
и зимнюю землю прогрели,
и жаром коснулись небес.

Из олова облачных копей
ты выточил кольца для нас.
И звука нездешнего опий
для нас виночерпий припас.

Апрельского ливня в стаканы
подлить новобрачным велит.
Мы пьяны, мы пьяны, мы пьяны
звучаньем небесных орбит.

О сколько, о сколько, о сколько
ждала я признаний твоих!
Закусывать слёзною солью
привыкла безгласый свой стих.

И вот ты вернулся, чтоб в пашню

святое зерно обронить,
чтоб вырастить тучное брашно
и нить повреждённую свить.

Мы вместе, мы вместе, мы вместе
сквозь облачность этой фаты
и радостно мне как невесте
прильнуть к бестелесному «Ты».

Не в яви, не в яви, не в яви,
но в длящемся в вечности сне
сумел, что сломал ты, исправить.
Спасибо, спасибо весне!

ПОРУЧИК (*вставая из-за стола, активно жестикулируя*)

Абсолютно прожжённый,
в перекрестии сабель,
Как рука живописца
легла на муштабель.
Пропускает сквозь ноздри
крепкий ромовый пар.
Так безусых корнетов
посвящают в гусар.

Две бутылки шампани
и бутылка ликёра,
вот рецепт для компании.
Превращают в бретёра
не познавшего девы юнца.
(А у сахара каплет с конца,
сахар плавится ромом
горящим и каплет,
пока в вина кипящие
вовсе не канет).
Пей. Товарищи:
— Ай, молодца!

Пожилой офицер
с удовольствием крякнет.
То ли он люцифер,
то ль испытанный ратник.
Пополнению рад он:
прибывает в полку волокит.

Там Аксаков с Загоскиным,
Давыдов и Лермонтов
и ещё чуть не рота
талантливых демонов,
у которых и трезвых стоит.

Был безусым юнец,
стал совсем бесшабашным.
Всё коварная жжёнка —
не вспомнишь,
что делал вчерашним
и чья это жёнка,
где стёр набалдашник
и чьи секунданты в дверях.

Выпил жжёнки — придёшь на бровях.

МАРА (*снисходительно посмотрев на Поручика, задумчиво*)

Пришел и разбудил. Прогнал остатки сна.
Неужто сорок лет наскучили в могиле?
Ты не любил весну. А вот сейчас — весна.
Чем противостоять ты станешь этой силе?

Ты не любил тогда. Не требовал в ответ.
Тогда какую дань ты ждёшь забрать сегодня?
Кто разбудил тебя через десятки лет?
Зачем тебя ко мне послала преисподня?

Страстная у дверей. Не время ничему,
ни счётам, ни словам прощенья и прощанья.
А только тишине. Иди и ляг во тьму.
Сегодня не приду. Не клянчи обещастья.

Здесь так сейчас светло! Струит вишнёвый цвет
такую белизну — дыханье замирает!
И пусть ничто весны моей не забирает —
сегодняшней и той, что и в помине нет.

Ты юности моей сейчас не бережи.
По аду не води, давнишний мой Вергилий.
Билет мой куплен в ад. Но ада посреди

я верую в весну, её бескрайней силе.

ДЕВУШКА (*задумчиво, рассеянный взгляд с Поручика куда-то вдаль, опять на Поручика*)

Кисловатый дымок на окраинах.
Труб печных пароходы в окалинах.
Отсыреют ботинки в проталинах.

Деревянные черные здания.
Бесприютные наши свидания.
Опоздаешь на службу — взыскания.

Жаться в тёмных скрипучих подъездах,
укрываться от ругани местных
в этих скрытых ресницами безднах.

В дом нельзя, там девчонки — стесняемся,
По холодным проулкам слоняемся.
А навстречу нам — вечер, закат неся,

приоткроет ладошку — там розовый.
И впивается запах морозовый
в наши ноздри. Снежинки — занозами.

А дежурный на вахте так пристально.
Я пригнусь — и прямехонько к лифту.
Каблучки бы вот только не выдали!

Ты втираешь ему, анекдотами
отвлекаешь. Но мы так измотаны,
рухнем прямо в одежде, как ботаны.

ПОРУЧИК (*целует руку Девушки, обращается к ней*)

А сердце слётком воробьиным
упало в девичьи ладони.
Она с лицом неумолимым.
Оно — лежит, как на поддоне.

Ему и перьев не взьерошит,
его дыханьем не согреет.

Взгляни же, дева! Я хороший.
Она посмотрит — как отбреет.

Я сердце взял, вернул в темницу.
Пусть подрастёт вдали от света.
Тьмой, как бронёю, облачится.
И выйдет, полностью одето.

И выйдет сердце как охотник —
не как отвергнутая жертва.
Или как гопник в подворотне.
Как всё во прах крушащий жернов.

И беспощадным глазом Ворон
начнёт высматривать смешное.
Мой юный трепет уворован,
весь мир — ристалище сплошное.

Но я не рыцарских турниров
отнюдь кумир и завсегдагай.
Я изопью свой кубок Пирров,
когда тебя возьму в уплату,

когда возьму тебя как выкуп
пустого трепетанья слётка.
И пусть твою худую спину
моя охаживает плётка.

За ту, оставшуюся в детстве,
за ту, оставшуюся в сердце.

И мощным клювом ястребиным
я расклюю тебя сегодня,
и словно капельки рябины,
созреют пятна на исподнем.

И вот уже твоё сердечко
в моих ладонях беспощадных.
А вместо песен подвенечных —
рога моих полков засадных.

МАРА (с грустью смотря на юных с героев)

Где вы мои светлые
юные стихи?
Как часы рассветные,
робки и тихи.

Как трава, промокшие
под росой слёз.
Залетевший в окна
ветер вас унёс?

В косую линейчку
белые листки,
кляксами помечены,
но не от тоски.

Эти слёзы капали
не от взрослых бурь.
Проливалась на поле
васильков лазурь.

Лес стоял под окнами,
ночь была бела.
Радостные, мокли мы
с небом догола.

Занимался ласковый
юности рассвет.
Я писала наскоро
радостный сюжет.

Торопилась, пачкала
новую тетрадь.
Изводила пачками.
Где теперь искать?

...

Становились медленней
строчки, тяжелей.
Лей в них грусти ведьминой,
желчи не желей.

Опытом отравленный,
ядами утрат,
твой сюжет исправлен был.
Кто здесь виноват?

Умирают мальчики,
наломавши дров.
Дерзкие растратчики
самых лживых слов.

Умирают девочки,
наломав стихов.
Сломанные веточки.
Сердце на засов.

ДЕВУШКА (*высвобождается из объятий Поручика, встаёт из-за стола, задумчиво*)

Был март. До тебя оставалось полгода.
Я шла по окраине. С неба вода
со мною шла. Город с земного испода
закидывал в небо свои невода.

Мне было несчастье.
Мне не было счастья.
Ко мне ручейками стекалась беда.
Да нет, не беда. Да, беда, но отчасти.
А если подумать, совсем ерунда:

со мною расстался лазоревый мальчик.
С лучами, вплетенными в ниву ресниц.
На пятой странице открытый задачник
уткнулся десятым параграфом вниз.

Он мной не разгадан, он мной недорешен,
он брошен в сердцах, весь исчеркан и смят.
В курчавом пролеске среди тёплых проплешин
пролески в бутонах лазоревых спят.

Был праздник. Родных пригласили к застолью.
А я ускользнула в лазоревый дождь...
Девчонка идёт, упивается болью,
лицо опрокинуто — фиг подойдёшь.

Схватить бы за мокрые плечи дурашку,
дорожки дождя на щеках оттереть
и оттиск влепить — не на плаху — на плашку:
ты жизнь прожила-то едва ли на треть.

Отставить дождить! Он ещё пригодится,
солёный раствор из обманурых глаз.
В лазоревых перьях обманная птица
синицей окажется в жизни не раз.

Но шла я упорно в промокших ботинках,
давя отраженья заборов и кровель.
Не зная, что где-то в заплакавших льдинках
уже собирается с силой любовь.

Ты шёл по свердловскому рыхлому снегу,
в который на солнце стекала капель.
Не знал, что готовится прыгнуть с разбегу
в далёкое море ближайший апрель.

Раздельный апрель — как купальник бикини.
И май переждать нам ещё предстоит,
и лето. Но август прорвётся в плотине,
сметая наташек, людмил, маргарит.

Ты будешь беда моя новая. Знаю.
Но знаю сейчас. И не знала тогда.
Ботинки промокшие в лужи вонзаю.
Беда.

ДЕВУШКА *садится за стол, закрывает лицо руками, опускает голову.*

ПОРУЧИК *(в первый раз не ехидничая, серьёзно)*

Говорят, перед смертью перестаёт болеть —
за день, за два, а может даже за три,
будто кто-то всеильный откроет клеть
и кому-то скомандует: здесь протри.

И вот этот, послушный /хлорамина флакон в руке/,
и вот этот, прилежный, — ведь это его рука? —
вдруг шепнёт: лети, пока налегке.

Курс держи на /тычет пальцем/ те облака.
А собьёшься — не ссы, не велика беда.
Погуляешь подольше — ногам всё равно лежать,
прошвырнись, пока лёгок, туда-сюда.
Самолётного следа увидишь шов — то и есть межа.

Да живее проваливай, я тут похлопочу,
всё протру, умою — вернёшься увидишь сам,
бел лицом — тоном точь в цветущую алычу,
как положено грустным клоунам и мертвецам.

Кем ты жил — Скарамушем или Пьеро?
Кем уходишь — любимым? не мудаком?
Дай смахну — из подушки, что ли, перо.
Да смахни — по щеке жемчуга ползком.

На земле бело — облетел алычовый цвет.
Аромат стоит неслыханной густоты!
А в окне больничном зацветает такой рассвет,
что вздохнуть нельзя. Да не нюнься: увидишь ты.
Надоест, не один узреешь ещё восход:
Головой на Запад — глазами-то на Восток.

ПОРУЧИК *возвращается на своё место подле девушки, обнимает её, та прижимается головой к его плечу.*

МАРА *(с грустью смотря на юных героев)*

Вот бы испариться и парить
над домами тонкой сонной дымкой.
Да не выйдет, что там говорить!
Проберётся память невидимкой

и как взломщик, словно вор в ночи,
или ураган из подворотни,
разберёт меня на кирпичи,
и раздев, оставит в преисподнем.

Чтоб седой руиной оседать
в пыль усталой памяти обочин.
Как бы мне тебя не вспоминать,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.